
НАДИН НОЙЗИ
ПОПАДАНКА-
БИБЛИОТЕКАРЬ
В МАГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Надин Нойзи

Попаданка-библиотекарь в магической академии

«Автор»
2026

Нойзи Н.

Попаданка-библиотекарь в магической академии / Н. Нойзи — «Автор», 2026

Я - Алиса, библиотекарь в магической академии. Без магии, но зато с любовью к книгам. Выдаю учебники эльфам, демонам, драконам, слежу за порядком в библиотеке. Нет, замуж не собираюсь, мне и так хорошо, рядом с книгами. И ни один красавчик преподаватель не заставит меня передумать!

© Нойзи Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 14
Глава 5 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Надин Нойзи
Попаданка-библиотекарь в магической академии

Глава 1

Библиотека в магической академии была старой. Настолько старой, что время здесь текло иначе, застывая густым медом между страниц бесчисленных фолиантов. Она помнила, наверное, даже первого императора Даргонийской империи, Ольгерда Прекрасноликого, чей мраморный бюст пылился в нише у входа, давно уже став частью интерьера, а не объектом для поклонения.

Главный зал, куда я каждое утро входила с неизменной кружкой остывающего чая, походил на нутро исполинского зверя. Высокие готические своды терялись во мраке, и вместо привычных светильников там парили десятки магических огней – «Вечный свет», заклятие, которое не обновляли лет триста. Огни эти жили своей жизнью: они пульсировали, разгорались и гасли, отчего тени от стеллажей постоянно шевелились, вытягиваясь по каменному полу призрачными пальцами. Казалось, сам воздух здесь был тяжелым от вековой пыли и магии.

Стеллажи – вот что поражало всякого, кто входил сюда впервые. Огромные, из темного, почти черного «железного дуба», они уходили в бесконечность, создавая запутанный лабиринт, где можно было бродить часами. Между ними висели тяжелые пологи, похожие на паутину, – на самом деле защитные завесы, призванные беречь книги от пыли, сырости и случайных взглядов.

Пахло в библиотеке сложно и густо. Пучки сушеной полыни и лаванды, подвешенные к потолку для отпугивания книжных червей, перебивал запах старого пергамента, кожи, воска и чего-то неуловимо древнего. А еще здесь пахло зельями – сладковатой мандрагорой, едкой серой и терпкими травами, которыми были пропитаны многие фолианты. Эти запахи въелись в стены так глубоко, что не выветривались даже в самые сильные сквозняки

Книги и сами были словно живые. Из сектора боевой магии то и дело доносился приглушенный звон клинков – это учебники по тактике спорили о ведении боя, никак не желая уступать друг другу место на полке. Фолианты по темным искусствам держали в запертых клетках, и они тихо шипели, стоило кому-то пройти мимо. А дешевые любовные романы иногда вздыхали на проходе, роняя между страниц лепестки давно засохших роз.

Но главное – здесь стояла тишина. Не простая, а плотная, ватная, усиленная десятками охранных контуров и успокаивающих заклинаний. В этой тишине вяз любой звук, даже шепот. Потому что настоящая магия, как говаривал старый архивариус до меня, любит, когда ее слушают, а не когда ей мешают. Правда, за два года работы здесь я так и не услышала ничего, кроме этой самой тишины, скрипа собственных шагов да возмущенного шелеста страниц. Призраков нерадивых адептов, что якобы бродили здесь, не сумев вовремя сдать книги, я тоже ни разу не видела. И не слышала тоже. Вот адептов – этих да, видела, в большом количестве. Преподавателей – тоже. А призраков… Не было их здесь.

Сама библиотека была неотъемлемой частью магической академии, которая располагалась на холме, и, если смотреть на неё с дороги, она напоминала огромный замок, собранный из кусочков разных эпох. В архитектуре смешалось всё: суровые крепостные стены древности соседствовали с изящными эльфийскими башенками, устремлёнными в небо, а тяжёлые гномьи контрфорсы подпирали воздушные переходы, созданные явно для кого-то более лёгкого и крылатого.

Главные ворота никогда не закрывались. Во всяком случае, я не помню такого случая. Огромные, кованые, с вплавленными в железо охранными рунами, они гостеприимно распахивались перед каждым, у кого в груди билось сердце, жаждущее знаний (или хотя бы освобождения от родительской опеки).

Внутренний двор всегда гудел, как встревоженный улей. Здесь было тесно и шумно. Чешуйчатые хвосты драконов то и дело хлестали по каменным плитам, ненароком подметая их чище любого веника. Мимо них, ловко лавируя, проскальзывали полупрозрачные студенты с факультета Некромантии – их всё ещё учили взаимодействовать с материальным миром, но получалось пока так себе. Кентавры цокали копытами по специально расширенным дорожкам, вечно жалуясь, что архитекторы снова забыли про радиус разворота. А наверху, цепляясь за карнизы и водосточные трубы, резвились мелкие фейри, с визгом уворачиваясь от тяжеловесных гарпий, которые предпочитали планировать с крыши на крышу, а не ходить пешком.

Учебные корпуса располагались по принципу "чтобы все друг другу не мешали, но могли вовремя добраться до столовой". Восточное крыло, например, было полностью отдано водным расам. Там коридоры периодически затапливало, вместо дверей висели плотные завесы из тины, а на подоконниках в чашах росли кувшинки. Наши наяды и русалки чувствовали себя там прекрасно, в отличие от преподавателей стихийной магии, которые вечно забывали сменить обувь перед лекцией в этом крыле

Северная башня была отдана под общежитие оборотней. Там полная луна светила особенно ярко (спасибо магическому куполу с эффектом линзы), и стены были обиты мягкими панелями – чтобы в период полнолуния поменьше было разрушений. По утрам из той башни доносился дружный вой и лай: это студенты пытались вспомнить, кем они были прошлой ночью, и не забыли ли выучить заклинание от блох.

А в цокольных этажах, под землёй, где всегда было темно, сыро и прохладно, ютились подземные расы: гномы, гоблины и тёмные эльфы. Они принципиально не выходили наверх без крайней нужды и прорыли между своими аудиториями и спальнями целую сеть туннелей, в которой никто, кроме них, не ориентировался. Говорили, что оттуда можно попасть прямиком в подвал столовой, но подтвердить это никто не мог – те, кто пытался, либо пропадали на несколько дней, либо вылезали обратно с перепуганным лицом и пустым ведром из-под картошки.

Столовая, или Большая зала, была, пожалуй, самым весёлым местом. Здесь учитывались интересы всех. Для травоядных рас стояли длинные столы, ломящиеся от фруктов, овощей и орехов. Для плотоядных – отдельные гриль-станции, где жарили мясо прямо при тебе, потому что запах свежего стейка доводил некоторых до нервной дрожи. Для насекомоядных – ну, для них был отдельный закуток с плотной дверью и мощной вентиляцией. И никому никогда не приходило в голову жаловаться, что чья-то еда выглядит или пахнет странно. Терпимость здесь прививали с первого курса, и довольно жёсткими методами.

И над всем этим великолепием возвышалась центральная часовая башня. На её циферблате были отмечены фазы луны, время приливов и отливов (для наших водных), солнечные и лунные циклы для эльфов и время смены караулов для гномов. Часы эти отбивали не просто часы, а напоминали всем: ты здесь не один. Ты – часть чего-то большого, странного, пёстрого и, в общем-то, довольно дружного. Академии, где учились все.

– Найра Алиса, – отвлек меня от мыслей об академии вежливый голос очередного адепта. – Мне бы учебник по травоведению. Третий курс, адепт Артаний.

Я подняла глаза от формуляров, которые как раз пыталась разложить по стопкам. Передо мной стоял тот самый щуплый эльф с факультета зельеваров. Светлые, почти белые волосы вечно лезли ему в глаза, острые уши нервно подрагивали, а длинные тонкие пальцы теребили край сумки так, будто он собирался в ней утопиться.

– Эльф? – уточнила я, хотя прекрасно его помнила. – Зачем тебе еще один учебник? Я же выдавала всем с твоего курса в начале учебного года. У меня даже росписи есть.

Я для убедительности постучала пальцем по толстой тетради, куда уже два года записывала каждую выданную книгу. Почерк там был, конечно, ещё тот, но разобрать можно.

Паренек замялся. Он переступил с ноги на ногу, и я заметила, что штанины его форменных брюк мокрые до колен и кое-где припорошены землей. К обуви прилипли травинки и пара мелких лепестков. Будто он только что выбрался из оранжереи, причём ползком.

– Мой улетел, – сообщил он, отводя взгляд. – Прошлой ночью.

Я моргнула. Потом еще раз.

– Улетел, – повторила я ровным тоном. – Учебник. По травоведению.

– Ну да. – Эльф шмыгнул носом и наконец поднял на меня глаза. В них читалась такая степень обреченности, будто он признавался в убийстве. – Я его на подоконнике оставил, понимаете? Проветрить хотел. У него же переплет старый, отсырел немного, я думал, ночной воздух полезно будет…

– На третьем этаже? – уточнила я на всякий случай.

– На пятом, – поправил он виновато. – У нас же башня, общежитие наверху. А окно я приоткрыл, совсем чуть-чуть, только чтобы сквозняк был. А он… ну, учебник этот… он же по травоведению, там раздел про летучие семена большой, иллюстрации красочные… Вот он, наверное, вдохновился.

Я вздохнула. За два года работы я слышала многое: книги топили в ванной, жгли на ритуалах, заливали зельями, один тролль умудрился сжевать «Введение в теорию магии» (сказал, за пергамент и принял, вяленое мясо напоминало). Но чтобы книга улетела… хотя чему тут удивляться.

– И далеко он улетел? – поинтересовалась я, открывая ящик стола в поисках запасного формуляра.

– В сторону оранжереи, – убито сообщил эльф. – Я всю ночь искал. И утро тоже. Думал, может, в кустах застрял или на дерево сел отдохнуть. Но нет. Там же ветер был, сильный. И листья шуршат, ничего не слышно. А он, когда летит, вообще молчит, только страницами иногда шелестит.

Я представила картину: ночь, полнолуние, по территории академии носится эльф в ночной рубашке, а над ним планирует учебник, тихо посмеиваясь страницами. Хорошо, что гарпии с драконами спят чутко, могли бы и перехватить «добычу» на лету.

– Адепт Артаний, – сказала я устало, – ты хоть понимаешь, что этот учебник семьсот двадцать третьего года издания? До тебя его никто не брал тридцать лет, потому что боялись. Он, между прочим, считается книгой с характером.

– Я знаю, – эльф поник еще сильнее, уши прижались к голове. – Мне староста сказал. И декан тоже. Декан сказал, что если я его не найду, то буду до конца семестра переписывать гербарий для тепличниц. А их там двенадцать, и у каждой свой почерк…

Он говорил это таким тоном, будто зачитывал собственный приговор.

Я тяжело поднялась из-за стола. Колени хрустнули – все-таки не эльфийка, сидеть на одном месте часами вредно.

– Ладно, – вздохнула я. – Дам тебе другой. Но учти: этот, – я достала с полки пухлый том в темно-зеленом переплете, – тоже умеет летать. Правда, только при луне, и если его долго не открывать. Так что будешь каждый вечер минимум три страницы читать. Вслух. Понял?

Эльф судорожно закивал, принимая книгу дрожащими руками, как величайшую драгоценность.

– И залог, – добавила я, протягивая руку.

– Какой залог? – опешил он.

– Твой старый учебник. Когда найдешь – принесешь, я тебе залог верну.

– А… а что в залоге? – паренек похлопал себя по карманам. – У меня только перо запасное и…

– Расческу, – перебила я, критически оглядывая его вечно лохматую макушку. – Эльфийскую. С серебряным покрытием. Увижу завтра без расчески – учебник заберу обратно и лично провожу к декану с объяснениями, почему травоведы должны причесываться перед входом в библиотеку.

Он выдохнул, сунул мне в руку гребень с витиеватым узором (теплый еще, видимо, от кармана) и вылетел за дверь быстрее, чем его злосчастный учебник накануне.

Я проводила его взглядом, повертела расческу в руках и убрала в ящик стола. Прямо поверх формуляров. Пусть полежит. Может, к вечеру вернется беглец, вдохновленный примером младшего товарища.

Или не вернется. В оранжерее сейчас как раз сезон цветения плотоядных кувшинок – авось примут учебник за особо толстую гусеницу. Будет ему наука.

Глава 2

Меня зовут Алиса Рогайская. Тридцать два года, земная библиотекарша с дипломом библиотечно-информационного факультета и хронической нелюбовью к громким компаниям. До недавнего времени я думала, что самое страшное в моей жизни – это читатель, который возвращает книгу с жирным пятном на пятьдесят шестой странице и искренне считает, что «так и было».

Я родилась и выросла в маленьком городке, где главной достопримечательностью была водонапорная башня 1903 года постройки. Родители мои – люди простые: мама работала бухгалтером в ЖЭКе, папа всю жизнь простоял за станком на заводе. Когда я в четырнадцать заявила, что хочу поступать на библиотекаря, мама долго держалась за сердце и шептала: «Дочка, это же нищая профессия, ты хоть понимаешь?». Я понимала. Но я также понимала, что книги – это единственное место, где я чувствую себя в безопасности.

В школе меня считали странной. Вместо того чтобы бегать на дискотеки, я сидела в читальном зале и переписывала в тетрадочку стихи Серебряного века. Одноклассницы крутили пальцем у виска, а я пожимала плечами и возвращалась к Блоку. У меня было две подруги, обе такие же «книжные черви», и мы гордо называли себя «интеллектуальной элитой», хотя на самом деле просто боялись громкой музыки и чужих компаний.

Институт я окончила с красным дипломом и устроилась в городскую библиотеку имени Чехова. Работа мне нравилась. Я любила этот запах старой бумаги, тишину читальных залов, бережное шелестение страниц. Любила помогать бабушкам искать детективы, а студентам – материалы для курсовых. Даже пьяницу Степаныча, который регулярно приходил греться и засыпал в отделе краеведения, я любила по-своему. Он хотя бы книжки не портил, в отличие от некоторых.

Два года назад случилось то, что случилось.

Был обычный вторник, конец рабочего дня. Я раскладывала формуляры, мечтала о чашке чая с бергамотом и размышляла, не взять ли на выходные «Гроздья гнева» – я как раз собиралась перечитывать классику. В библиотеке никого не было, только где-то в подсобке возился уборщик дядя Боря.

Я потянулась за очередной книгой на верхнюю полку, поскользнулась на начищенном полу, взмахнула руками… и провалилась.

Буквально. Пол подо мной исчез, и я полетела вниз, в какую-то разноцветную воронку, где пахло озоном, пылью и почему-то мятой. В голове пронеслась дурацкая мысль: «А формуляры? Я же формуляры не закрыла!». Потом стало страшно, потом темно, а потом я шмякнулась обо что-то жесткое и больно ушибла копчик.

Открыла глаза – надо мной нависала борода. Густая, седая, с вплетенными в нее медными колечками, борода занимала все поле зрения. Из-за бороды на меня смотрели маленькие глазки-буравчики и ворчали:

– Ну наконец-то! А я уж думал, никогда не пришлют замену. Совсем там, в Управлении, о библиотекарях не заботятся. Закарий, говорят, на пенсию, давай, освобождай место. А мне куда? Я тут триста лет…

– Где «тут»? – прохрипела я, пытаясь сесть.

Борода отодвинулась, и я увидела, что нахожусь в огромном зале с бесконечными стеллажами, уходящими в темноту. В воздухе парили светящиеся шары, пахло травами и магией, а где-то вдалеке тихо перешептывались книги.

– В магической академии, дочка, – вздохнул бородатый, оказавшийся гномом. – А ты где думала? Я Закарий, главный библиотекарь. Вернее, уже бывший. А ты, видать, новая. Как звать-то?

– Алиса, – выдохнула я, хватаясь за голову. – Алиса Рогайская. Я… я из городской библиотеки имени Чехова. Я там книгу хотела достать…

– Ну вот и достала, – философски заметил гном, поправляя пояс с десятком ключей. – Сама теперь книга. Или библиотекарь. Тут у нас одно другому не мешает. Вставай, Алиса Рогайская. Работать пора. Вон, адепты уже ждут, вон, формуляры не заполнены, вон, учебники по демонологии опять сбежать пытаются. А мне на пенсию, понимаешь, к внукам, в горы…

Я встала, отряхнулась и огляделась. Вокруг плавали книги, пахло магией, и где-то в темноте явно кто-то шептался. Тот еще шепот – зловещий, как в дешевых ужастиках.

– Я, наверное, сплю, – сказала я вслух.

– Если бы, – хмыкнул гном, протягивая мне связку ключей. – Держи. Тут от всех отделов, от секретных стеллажей и от туалета для призраков. Да, он у нас есть, не удивляйся. И помни главное правило: книгу, которая не хочет выдаваться, лучше не заставлять. Сама отдастся, когда созреет. Ну, бывай, Алиса Рогайская. Я в подгорные чертоги, а ты тут… осваивайся.

И он ушел. Просто развернулся, хлопнул дверью, которой за секунду до этого не было, и исчез.

А я осталась. С ключами от туалета для призраков, кучей формуляров и полным непониманием того, как объяснить маме, что на работу я сегодня, наверное, не вернусь. Да и завтра тоже. Да и вообще…

Два года прошло. Я привыкла. К плавающим книгам, к адептам всех мастей, к улетевшим учебникам и к тому, что в тишине библиотеки иногда слышно, как дышат фолианты. Призраков я так и не видела, но это, может, и к лучшему.

А городская библиотека имени Чехова… Интересно, кто теперь раскладывает формуляры на полки? И нашла ли та бабушка детектив, который я ей отложила? Надеюсь, что да.

Хотя здесь, в магической академии, детективы тоже есть. Только там преступления расследуют вампиры, а улики находят с помощью магии. И формуляры я теперь заполняю пером, которое пишет само, но вечно норовит вывести какой-нибудь замысловатый вензель вместо номера стеллажа.

Жизнь, как говорится, налаживается.

Я поправила очки – те самые, в черепаховой оправе, которые купила ещё на Земле и которые чудом не разбились при моём эпичном падении в магическую реальность. В них я чувствовала себя собой, даже когда вокруг летали книги и пахло серой из сектора демонологии.

Внешность у меня самая обычная, даже незапоминающаяся. На Земле я часто ловила себя на мысли, что меня легко потерять в толпе – и легко не заметить. Невысокая, худощавая, с острыми локтями и коленками, которые вечно обо всё стучатся. Волосы тёмные, почти чёрные, и настолько густые, что собрать их в приличный пучок – целое испытание. Обычно я просто скручивала их в узел на затылке и закалывала шпильками, но к вечеру несколько прядей неизменно выбивались и падали на лицо. Адепты говорили, что это придаёт мне загадочный вид. На самом деле я просто вечно забываю купить нормальные невидимки.

Лицо у меня бледное – библиотечная работа не располагает к прогулкам под солнцем. Брови тёмные, густые, и я вечно за ними слежу, чтобы не срастались в одну линию, как у некоторых суровых профессоров с кафедры некромантии. Глаза серые, то ли от усталости, то ли от природы такие выцветшие. Нос с лёгкой горбинкой – мамина наследственность, она говорила, что это признак упрямства. Наверное, она была права: чтобы выжить в магической академии без капли магии, нужно быть очень упрямой.

Одеваюсь я тоже просто: чёрное платье с длинными рукавами (пыль не так заметна), поверх него вязаная кофта крупной вязки, которую я связала сама ещё на Земле и которая теперь греет меня в холодных библиотечных залах. На ногах – удобные тёмные ботинки на плоской подошве, потому что бегать за особо шустрыми учебниками приходится часто, а каблуки я терпеть не могу с институтских времён.

Когда я первый раз увидела себя в зеркало здесь, в академии, то подумала: «Боже, какая же ты серая мышь». А потом привыкла. Здесь, среди зелёных орков, золотоволосых эльфов и переливчатых чешуйчатых драконов, моя обычность даже стала чем-то вроде достоинства. Я – напоминание о том, что мир не состоит из одних только прекрасных принцев и загадочных магов. Иногда мир состоит из уставшей женщины в вязаной кофте, которая просто хочет, чтобы учебники по травоведению не разлетались по ночам.

Глава 3

– Найра Алиса, – в дверь библиотеки ворвались два вихря, рыжий и черный.

Я как раз пыталась водворить на место особо строптивый справочник по ядовитым растениям, который норовил залезть на полку к любовным романам, и от неожиданности едва не уронила стремянку.

Ворвались и остановились возле моей стойки, запыхавшиеся, раскрасневшиеся, с горящими глазами. Первокурсницы. Это читалось по всему: по тому, как они ещё не научились приглушать энергию, как дышали ртами после бега по лестнице, как смотрели на меня с той особой смесью надежды и наглости, которая бывает только у тех, кто ещё не получал выговоров за просроченные книги.

– Найра Алиса, нам нужны учебники! По истории этого мира!

Я подавила вздох. Потом ещё один. За два года я научилась распознавать первокурсников за версту. Лекарки, судя по нашивкам на мантиях. Только первый курс всё ещё бегает по этажам, будто они никуда не успевают, будто за ними гонятся стаи голодных магических тварей. Те, кто постарше, начиная со второго курса, уже заходят чинно и степенно. Они знают: библиотека никуда не денется, книги тоже, а вот нервные клетки библиотекаря – ресурс невозобновляемый.

– Учебники вам выдадут послезавтра, прямо на первом уроке, до этого – нельзя, преподаватель запрещает, – сообщила я, разглядывая девушек.

Эльфийка и демоница. Рыжая и черноволосая. Солнце и тьма в одном флаконе. Я даже залюбовалась на секунду – надо же, как их судьба свела. Обычно эти расы стараются держаться друг от друга подальше. Магии у них не взаимодействуют, видите ли. В прямом смысле – если эльфийское светлое колдовство соприкасается с демоническим огнём, может рвануть так, что мало не покажется. А тут стоят, плечом к плечу, и даже искры не сыплются.

Демоница была хороша: чёрные как смоль волосы падали на плечи крупными локонами, из-под густой чёлки смотрели тёмно-карие, почти красноватые глаза. Рожки – аккуратные, только начавшие расти, с едва заметным завитком на концах – она не пыталась скрыть, наоборот, гордо выставляла напоказ. Кожа с лёгким оливковым оттенком, на скулах слабый румянец. Хвост, тонкий и гибкий, с кисточкой на конце, нервно подрагивал в такт дыханию – выдавал волнение. Одета с иголочки: форма сидела идеально, ни одной лишней складки, ни пятнышка. Отличница, наверное.

Рыжая эльфийка была её полной противоположностью. Волосы – цвета осенней листвы, огненно-золотистые, растрёпанные, выбились из косы и торчали в разные стороны, будто она только что вылезла из куста шиповника. Уши – длинные, заострённые – нервно подрагивали, и я заметила, что на левом не хватает одной серёжки, а на мочке – свежая царапинка. Глаза зелёные, прозрачные, как лесной ручей, смотрели на меня с мольбой. На щеке – грязное пятно, на манжете – следы чего-то похожего на травяную настойку. Форма сидела кое-как, воротник подогнут криво, пуговица на левом рукаве вот-вот оторвётся. Хулиганка. Или просто растяпа. Или и то и другое сразу.

– Так мы хотим заранее подготовиться, – недовольно сморщила носик демоница.

Она говорила с лёгкой картавинкой, которая делала её капризный тон почти милым. Хвост дёрнулся и обвился вокруг её собственной ноги – жест, который я уже научилась распознавать у демонов. Значит, не просто каприз, а искреннее желание. Очень искреннее.

– Лейлис права! – подхватила эльфийка, и голос у неё оказался звонким, чуть хрипловатым, будто она весь день проплакала или прокричала. – Нам позарез нужно! Понимаете, мы вчера на экскурсии были, в старой части академии, и нам столько всего рассказали, а мы поло-

вину не запомнили, а спрашивать у хранителя было неловко, и вообще там такие подземелья, и одна дверь открылась, а за ней…

– Лин, – одёрнула её демоница и дёрнула за рукав. – Не начинай.

Эльфийка заткнулась на полуслове, но глаза у неё горели так, что я сразу поняла: они что-то затеяли. Или уже натворили. Скорее, второе.

– А отвечать перед вашим преподом, драконом из древнего клана, вы будете? – я приподняла бровь и сложила руки на груди. – С меня ведь спросят. Он строгий, как сто орков на перекличке. В прошлом году одна адептка решила подготовиться заранее, так он её полгода вызывал на каждой лекции и спрашивал по учебнику, которого она не брала. Она зачёт еле сдала.

– Мы аккуратно! – эльфийка Лин прижала руки к груди и посмотрела на меня глазами нашкодившего котёнка. – Честно-честно! Мы только посмотрим, самые первые страницы, и вернём! Никто и не узнает!

– Не дам, – я решительно покачала головой, и несколько шпилек снова выпали из пучка, упали на плечи. – Идите готовьтесь к другим предметам. У вас наверняка есть теория зелий, основы магии, общефизическая подготовка для магов…

– ОФП мы с утра сдали, – демоница Лейлис дёрнула хвостом. – На отлично. У меня, – добавила она скромно, но в глазах мелькнула гордость.

– А у меня… – эльфийка замялась и посмотрела в пол. – У меня зачёт. Просто зачёт. Но я пересдам! Я побегаю дополнительно!

Я усмехнулась. Картина прояснялась. Отличница-демоница тащит за собой троечницу-эльфийку, которая вечно влипает в истории. И сейчас они явно влипли в очередную.

– И всё-таки нет, – сказала я твёрдо. – Идите. Послезавтра будет вам история, с драконом и с учебниками. А пока – марш отсюда, у меня тут книги сами собой по полкам раскладываются, только отвлекаете.

Демоница надула губки, эльфийка вздохнула так горестно, что пара книг на ближайшем стеллаже сочувственно шелестнула страницами. Они переглянулись, и я заметила, как в этом взгляде промелькнуло что-то… заговорщическое. Но спорить не стали. Развернулись и поплелись к выходу.

У самой двери эльфийка обернулась и пискнула:

– А если мы… ну… сами найдём?

– Лин! – демоница дёрнула её за руку и вытащила в коридор.

Дверь за ними закрылась. Я постояла, посмотрела на резные створки, вздохнула и пошла доделывать дела.

– Сами они найдут, – пробормотала я под нос, залезая обратно на стремянку. – Ага. Ищите. У меня тут отдел истории на третьем ярусе, под защитным куполом и с системой сигнализации, которая орет на всю академию, если кто без спроса сунется. Только вас там и не хватало.

Справочник по ядовитым растениям, почувствовав, что я отвлеклась, снова попытался сползти с полки в сторону любовных романов. Я шлёпнула его по корешку, и он обиженно затих.

За дверью послышался удаляющийся топот и приглушённый спор. Кажется, рыжая что-то доказывала черноволосой, а та ей энергично возражала.

Я покачала головой и вернулась к работе.

Глава 4

Дверь библиотеки открылась без стука, но мягко, почти неслышно – так умеют только те, кто привык двигаться в двух ипостасях и знает цену тишине.

– Найра Алиса, доброго вечера. Вы не заняты?

Я подняла голову от стопки формуляров и улыбнулась. В дверях стоял магистр Шартарин лорт Гортансар – преподаватель ясновидения, высокий, широкоплечий, с той особой пластикой, которая выдаёт оборотня даже тогда, когда он в человеческом облике. Движения плавные, текучие, но чувствуется в них скрытая сила, готовая в любой момент распрямиться пружиной.

– Добрый вечер, магистр, – я отложила перо и поправила выбившуюся прядь. – Для вас всегда свободна. Что ищете?

Он подошёл к стойке, и я в очередной раз отметила, как странно сочетаются в нём звериное и человеческое. Волосы пепельно-русые, коротко стриженные, с едва заметной проседью на висках. Глаза – янтарно-жёлтые, даже при тусклом библиотечном свете казавшиеся светящимися. На высоких скулах – едва заметная россыпь веснушек, которая, как я подозревала, в полнолуние превращалась в тёмные пятна на морде. Одет просто, по-рабочему: тёмная рубашка с закатанными рукавами, открывающая крепкие предплечья, удобные брюки, сапоги мягкой кожи, в которых ступать действительно бесшумно.

– Мне нужны труды Асториуса Ясноглазого, – сказал он, облокачиваясь на стойку. – Полное собрание, если сохранилось. Знаю, что древние, но вдруг у вас есть.

Я присвистнула мысленно. Асториус Ясноглазый – это не просто древний предсказатель, это легенда. Говорят, он предрёк падение трёх империй и восход четвёртой, а умер своей смертью в постели, что для предсказателей вообще редкость.

– Есть, – кивнула я, вставая. – Только не в основном фонде. В спецхране, на седьмом ярусе. Под тремя замками и с системой охраны, которая кусается.

– Так вы мне поможете? – в янтарных глазах мелькнуло что-то похожее на надежду. – А то сам я туда боюсь соваться. В прошлый раз, когда я полез в спецхран за диссертацией Древогорна, меня чуть не съел стеллаж.

Я фыркнула. Эту историю в академии рассказывали как страшилку для первокурсников, но я-то знала, что она правдива. Магистр Шартарин тогда неделю ходил с ободранным боком и жаловался, что книги мстительнее любого зверя.

– Помогу, конечно. Только предупреждаю: Асториус – мужик с характером. Его труды не любят, когда их тревожат без дела. У вас дело-то есть?

Шартарин улыбнулся, и от этой улыбки вокруг его глаз собрались лучики морщин – тёплые, совсем не звериные.

– Есть, и ещё какое. Студентам четвёртого курса задал работу по предсказательным техникам древних. Хочу показать им оригиналы, а не пересказы из учебников. Пусть прочувствуют, так сказать, руку мастера.

– О, четвёртый курс, – я взяла связку ключей с крючка за спиной. – Это те, у которых вы в прошлом семестре отменили экзамен, потому что они всем потоком предсказали вам головную боль?

– Они самые, – Шартарин вздохнул и потёр переносицу. – Знаете, Алиса, это было жутко. Я захожу в аудиторию, а они сидят тридцать пар глаз и смотрят на меня с таким выражением… И я ещё до того, как рот открыл, уже знаю, что сейчас у меня заболит голова. Причём не от того, что они плохо учат, а просто… факт. Предсказали и всё.

– И что, сбылось?

– Ещё как. Я после той пары три дня мучился. Пришлось к лекарю идти, отпаивать меня какими-то настоями. С тех пор зарекался давать им групповые задания, но программа… – он развёл руками. – Сами понимаете.

Я хмыкнула и пошла к лестнице, ведущей на верхние ярусы. Шартарин двинулся следом – бесшумно, почти невесомо для такого крупного мужчины.

– А вы, я смотрю, освоились уже, – заметил он, оглядывая стеллажи. – Когда вы только появились, помню, вы на каждый шорох вздрагивали. А сейчас – вон как уверенно идёте. Даже ключи не звените.

– Научилась, – кивнула я, сворачивая в проход между стеллажами с манускриптами. – Тут главное – не показывать книгам страх. Они чувствуют. Особенно древние.

– Это вы точно подметили, – в голосе магистра послышалась усмешка. – Я вот, например, до сих пор побаиваюсь отдела проклятий. У вас там, кажется, на четвёртом уровне?

– На пятом, – поправила я. – И правильно боитесь. На прошлой неделе одна первокурсница туда случайно зашла, думала путь сократить. Так её потом три часа распутывали – она в одну сторону идёт, а выходит с другой, и всё время задом наперёд.

Шартарин хохотнул – коротко, по-собачьи, но сдержанно.

– Бедняжка. И что, распутали?

– А куда деваться. Я позвала вашего коллегу с пространственной магии, он полчаса над ней колдовал, потом сказал, что у него теперь глаз дёргаться будет. Но девицу привели в порядок. Правда, она теперь к библиотеке ближе чем на сто метров не подходит. Даже книги сдаёт через подружек.

Мы поднялись на седьмой ярус. Здесь было темнее, чем внизу, и пахло особенно – старым пергаментом, ладаном и ещё чем-то неуловимо тревожным. Стеллажи стояли плотнее, проходы были уже, а в воздухе висела та особенная тишина, которая бывает только в местах, где хранят слишком много тайн.

Я подошла к массивной двери с тремя замочными скважинами. Первый ключ – обычный, медный, с бородкой. Второй – магический, его нужно было просто приложить к скважине и подождать, пока заклинание признает хозяйку. Третий – вообще не ключ, а личный пароль, который я шепнула дверному молотку.

– Лунный свет в полнолуние, – прошептала я, и молоток довольно звякнул.

Дверь открылась с едва слышным вздохом.

– Красиво, – оценил Шартарин, заглядывая внутрь. – А почему именно так?

– Потому что Асториус, по легенде, все свои предсказания делал при луне. Молоток сам выбрал, когда я ключи получала. Я ему предложила на выбор три варианта, а он этот одобрил.

– Уважает, значит, древнего предсказателя, – кивнул магистр.

Внутри спецхрана было прохладно и сухо. Тома стояли ровными рядами, переплетённые в кожу, пергамент, а некоторые – в нечто, похожее на чешую. Я провела пальцем по корешкам, читая названия.

– Так, Асториус… Асториус… Вот, – я остановилась и потянула с полки тяжёлый фолиант в тёмно-синем переплёте. – Это первый том. «Провидения и пророчества». Осторожно, он тяжёлый.

Шартарин принял книгу с почти благоговейным выражением лица. Погладил переплёт, открыл наугад, вчитался в пару строк.

– Боги, – выдохнул он. – Это же не просто предсказания. Это… это поэзия. Смотрите, найра Алиса: «И когда падёт последний камень с башни, воздвигнутой на костях, восстанет тот, кто спал под корнями мирового древа». Это же метафора, а не прямое указание! Я своим студентам втолковываю, что предсказание – это не гадание на кофейной гуще, это искусство видеть образы.

– А они опять предскажут вам головную боль, – съехидничала я, снимая с полки второй том.

– Пусть, – отмахнулся магистр, но как-то беззлобно. – Зато запомнят. А вы, кстати, как поживаете? Всё ещё призраков не видите?

Я вздохнула и закрыла дверь спецхрана, тщательно щёлкнув каждым замком.

– Не вижу. И, честно говоря, уже начинаю думать, что это выдумки. Два года тут, а ни одного привидения. Даже скелета в чулане нет.

– Ну, скелеты – это к некромантам, – усмехнулся Шартарин, прижимая к груди стопку книг. – А призраки… Знаете, я тут уже двадцать лет работаю, и тоже ни разу не видел. Хотя слухи ходят. Вон, говорят, в подвале живёт дух библиотекаря, который в Средние века книги не выдавал без взятки.

– И что, никто не проверял?

– Проверяли. Даже я как-то спускался, с моим-то чутьём. Никого. Только крысы и плесень. Но крысы там магические, размером с кошку, так что я быстро ретировался.

Я фыркнула и повела его обратно, к лестнице. Внизу, у стойки, мы остановились, и я достала формуляр.

– Так, магистр, распишитесь. Берёте три тома, срок – до конца семестра. Если продлить – приходите, я всегда на месте.

Шартарин расписался, вывел закорючку, больше похожую на отпечаток лапы, и подмигнул:

– Найра Алиса, а заходите как-нибудь на мои лекции. Посмотрите, как я их мучаю. Заодно, может, и в вас дар откроется – вы же с Земли, а земляне иногда удивляют.

– Дар? – я скептически приподняла бровь. – Магистр, я за два года научилась только отличать третье издание от четвёртого и не бояться, когда книги разговаривают. Какое там ясновидение.

– Ну-ну, – он хитро прищурился, и янтарные глаза блеснули. – А кто в прошлом месяце сказал той драконице, что её учебник по зельям упал за шкаф? Вы же не видели, а сказали.

– Так запах, – отмахнулась я. – У него переплёт старый, пахнет специфически. Я просто учуяла.

– Угу, – Шартарин улыбнулся уже по-человечески, тепло и открыто. – Учуяли. Через три стеллажа и сквозь закрытую дверь. Нюх, как у меня, а? Не оборотень, а чует.

Я замерла, переваривая. А ведь правда – запах того учебника я тогда почувствовала совершенно отчётливо. Хотя до шкафа было метров двадцать и ещё стена.

– Случайность, – буркнула я, заливаясь краской.

– Конечно-конечно, – покладисто согласился магистр и подхватил книги. – Ладно, пойду я. Спасибо за помощь, найра Алиса. Забегу на днях, расскажу, как студенты оценили Асториуса

– Заходите, – кивнула я. – Всегда рада.

Он вышел так же бесшумно, как и вошёл, только дверь мягко скрипнула. Я постояла, глядя на закрытую створку, потом потёрла нос и вернулась к формулярам.

Нюх у меня, видите ли. Оборотень недоделанный.

Но на душе почему-то было тепло и уютно, как после разговора со старым другом.

Глава 5

На следующее утро я сидела за своей стойкой и перебирала формуляры, когда воздух слева от меня заметно похолодел. Я даже головы не подняла – знала, кто это.

– Доброе утро, Этель, – сказала я, продолжая писать. – Как спалось?

Баньши академии возникла из ниоткуда, как всегда бесшумно и как всегда эффектно. Этель Морриган – именно так её звали при жизни, больше трёхсот лет назад – была высокой, тонкой, с кожей такого бледно-голубоватого оттенка, будто она только что вышла из ледяной воды. Длинные седые волосы струились до пояса, глаза – прозрачно-серые, почти белые – смотрели с той особой печалью, которая делала баньши той самой баньши. Поверх призрачного тела был накинут плащ из полупрозрачного тумана, который колыхался сам по себе, даже когда вокруг не было ни малейшего сквозняка.

– Алиса, дорогая, – голос у Этель был тихий, шелестящий, как сухие листья по мостовой. – Ты даже не представляешь, какие новости я принесла. Я всю ночь летала по академии и всё разузнала.

Я вздохнула. Этель была моей самой необычной приятельницей здесь. Когда я только появилась в академии, она долго ко мне присматривалась, парила где-то под потолком и вздыхала так горестно, что у меня стыла кровь. А потом как-то подсела за стойку и сказала: «Ты первая за двести лет, кто не завизжал при моём появлении. Давай дружить».

С тех пор мы дружили. Этель была кладезем сплетен, потому что могла проходить сквозь стены и подслушивать где угодно. Правда, баньши по природе своей существа скорбные, поэтому все новости она подавала с таким трагизмом, будто речь шла о конце света.

– Ну что там у тебя? – спросила я, откладывая перо и доставая вторую кружку. Чай баньши пить, конечно, не могли, но я по доброте душевной всегда ставила для неё пустую чашку – для компании. – Студенты опять устроили погром в столовой? Декан некромантов женится на скелете?

– Хуже, – Этель театрально заломила руки и опустилась на стул напротив меня. Стул даже не скрипнул – призраки вообще ничего не весят. – Гораздо хуже, Алиса. У нас новый преподаватель.

– Ну, это не новость, – пожала я плечами. – Учебный год только начался, всегда кого-то берут. Кто на этот раз? Магистр огненной магии опять ушёл в запой? Или та старая гарпия с кафедры зоологии всё-таки решила уйти на покой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.